

ЛБЧ1 27

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
М И К Л У Х О - М А К Л А Я

К Р А Т К И Е
С О О Б Щ Е Н И Я

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

М. Г. ВОРОБЬЕВА

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЬВОВ НА РУЧКАХ СОСУДОВ ИЗ ХОРЕЗМА

Среди глиняной посуды античного Хорезма выделяются красно-ангобированные кувшины с одной ручкой, украшенной сверху рельефным изображением головы льва, как бы заглядывающего в сосуд (рис. 1, 1).

Распространены эти кувшины на всей обширной территории Хорезма по лево- и правобережью Аму-Дарьи, но встречаются они только на памятниках раннекангуйского времени. Особенно много их найдено при раскопках Кой-Крылган-калы; есть они и в нижних слоях городищ Джанбас-кала, Базар-кала, Калалы-гыр № 1 и 2, в выбросах брака из раннекангуйских гончарных печей на покинутом ко времени их функционирования городище Кюзели-гыр¹.

Кувшины хорошего качества, обжиг красный, поверхность иногда покрыта сплошным, почти зеркальным лощением (рис. 1, 2). По форме это довольно высокогогорлые сосуды с выступающим венчиком, грушевидным туловом, отделенным от горловины двумя, реже тремя невысокими валиками; дно широкое, плоское (рис. 2, 1, 3); изогнутая круглая в сечении ручка прикреплена к краю венчика так, что ее верхнее колено несколько возвышается над устьем. Впечатление приподнятости ручки над краем сосуда усиливается благодаря помещенному в верхней части рельефному изображению головы льва. Нижний корень ручки посажен на плечики на уровне опоясывающих тулово валиков. Небольшой комочек глины, вмазанный между стенкой горловины и ручкой, позволял мастеру, не делая лишнего изгиба, отогнуть ее ствол наружу, причем прочность соединения не уменьшалась. Нижний конец ствола срезан ножом наискось вверх, а не сходит на нет, как это обычно делалось у кувшинов. Высота сосудов колеблется от 35 до 50 см, диаметр устья 10—14 см, дна — 16—24 см, тулова (в его наиболее широкой части) — 25—30 см.

Изображения львиных голов, выполненные барельефом, как правило, изготовлялись отдельно в маленьких формочках и примазывались к ручкам жидкой глиной после того, как сосуды были сформованы и подсушены. Этот прием прослеживается во многих случаях. Особенно хорошо он заметен на одном из фрагментов с частично обломанным налепом, под

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 206; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 117, 118 и рис. 13, 5 на стр. 110; его же. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган-кала. ВДИ, 1953, № 1, стр. 171, рис. 13, 3, 4; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. ТХЭ, т. IV (в печати).

Рис. 1. Фрагменты кувшинов с львиноголовыми ручками:

1 — из нижнего кольца помещений; 2 — из центрального здания; 3 — из Калалы-гыра № 1;
4 — фрагмент ручки с налёпом в виде головы льва (1, 2, 4 — из Кой-Крылган-Калы)

которым при примазке образовались пустоты (рис. 1, 4), его же можно проследить и на отскочивших от сосудов рельефах.

Наиболее четкие изображения, более детализированные и с более высоким рельефом, делались в двух формочках (правая и левая стороны), которые затем соединялись вместе, причем оставался чуть заметный шов (рис. 3, 1).

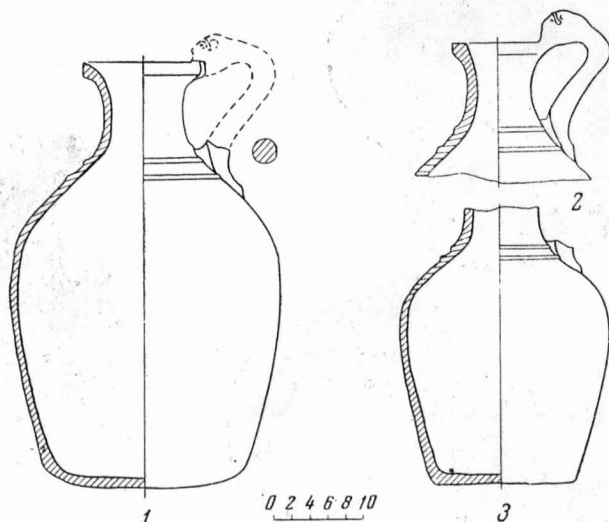

Рис. 2. Кувшины с львиноголовыми ручками:

1 — из Калалы-гйра № 1; 2 — из центрального здания Кой-Крылган-калы; 3 — из разрушенного античного здания в окрестностях Ангка-калы.

Иногда для лучшего скрепления налеп перед обжигом прикрепляли к ручке деревянным штифтом, который при обжиге выгорал и оставлял после себя глубокую (до 4 см) ямку.

Из 35 более или менее хорошо сохранившихся изображений только одно можно считать оттиснутым прямо на ручке при помощи штампа (рис. 3, 9).

На налечах всех ручек формовалась только верхняя часть головы льва с ниспадающей на спину длинной гривой. Нижняя челюсть не видна. Вероятно, этим приемом желали создать впечатление, что зверь как бы прикусил край сосуда. Такое изображение несколько напоминает хорошо известную по аму-дарьинскому кладу головку льва, держащего в зубах край золотого кувшина².

Все найденные в Хорезме львиноголовые налечи, даже происходящие с одного памятника (например, Кой-Крылган-калы, где обнаружено более двух десятков подобных ручек), сделаны в различных формах. Они отличаются друг от друга деталями — манерой изображения гривы, глаз, носа и т. д.

Наиболее заметна разница в трактовке гривы. По форме и расположению прядей можно выделить три группы, из которых первая в свою очередь дает три варианта, а вторая — два. Наиболее часто встречается

² O. M. Dalton. The treasure of the Oxus with other objects from ancient Persia and India. London, 1905, табл. I, 17.

грива в виде мелких прядей, идущих ото лба назад параллельно одна другой. Реже встречаются редкие прямые пряди, также лежащие вдоль спины; иногда они дополняются короткими боковыми прядками, отходя-

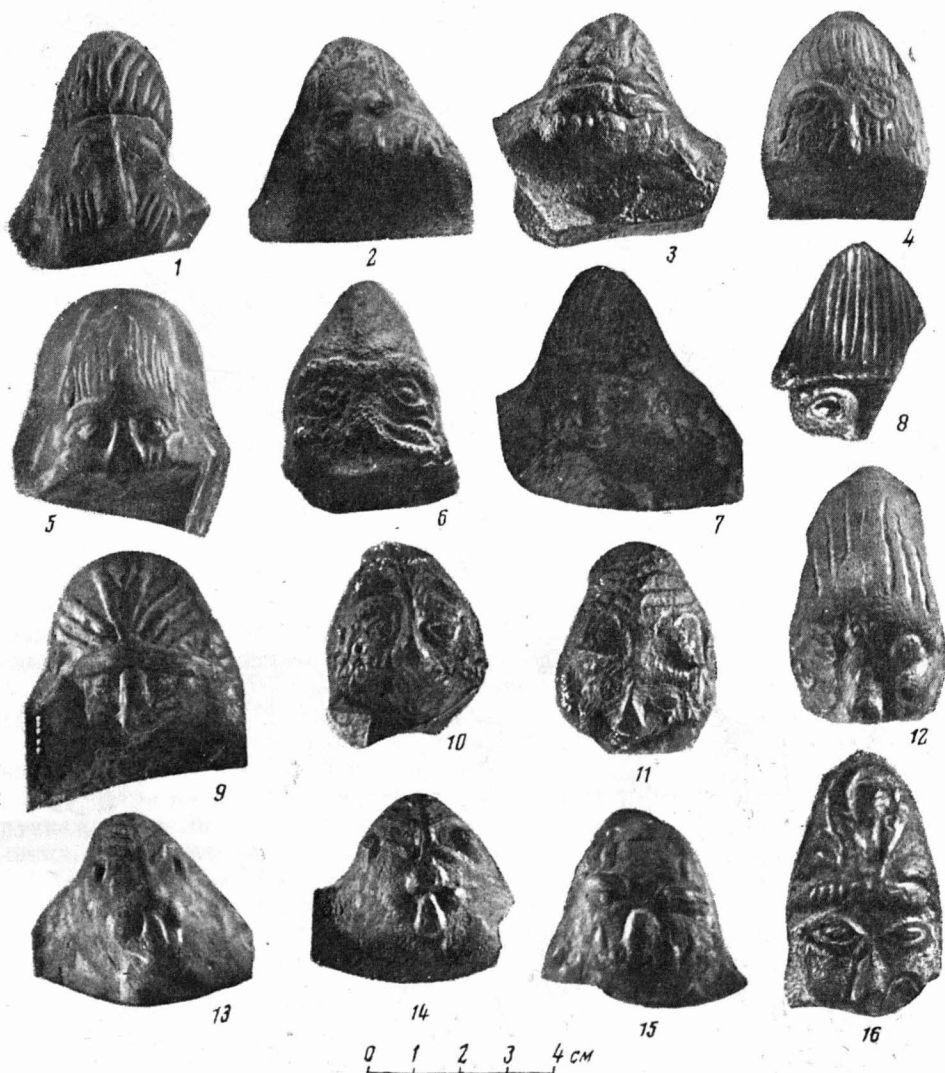

Рис. 3. Налепы в виде голов львов на ручках кувшинов:

1—5, 9, 13, 15 — Кой-Крылган-кала; 6, 14 — окрестности Джанбас-калы; 7 — Калалы-гыр № 1; 8, 10, 11 — окрестности Кой-Крылган-калы; 12 — окрестности Барак-тама; 16 — Базар-кала

щими наклонно вверх от основных (рис. 3, 1, 4; 4, 1—3). Все три разновидности первого типа составляют обширную группу, включающую более половины известных нам изображений.

Вторую группу составляют налепы с гривой, разложенной редкими прядками по обе стороны головы, как бы расчесанными на прямой пробор; сзади — дополнительные идущие параллельно прядки на конце

Рис. 4. Изображения львиных голов на различных памятниках искусства древнего Востока II—I тысячелетий до н. э. (расшифровка №№ 1—20 дана на стр. 45).

гривы (рис. 1, 1; 3, 11; 4, 4). В третью группу входят налесты, на которых грива изображена в виде елочки (рис. 3, 13, 14; 4, 5).

К индивидуальным формам следует отнести обнаруженное на Кой-Крылган-кале отличное от остальных изображение льва с веерообразно расходящейся ото лба гривой, состоящей из лучевидных прядей (рис. 3, 9; 4, 6), а также пайденное на Базар-кале, у которого вместо гривы ото лба отходит жгутик, уложенный в виде незамкнутой петли (рис. 3, 16), напоминающей высокую корону, типа египетских, с уреем спереди. Животному приданы человеческие черты — очень выразительные большие глаза, несколько одутловатые щеки.

Ото лба грива обычно отделяется валиком. Исключение составляют два налесты, лучшие по выполнению. У них вместо условного валика намечена складка кожи, идущая от переносицы (рис. 3, 1, 2; 4, 2).

Форма глаз различна. Преобладают большие миндалевидные глаза с четко очерченными рельефными веками; глазное яблоко выпуклое, без зрачка (рис. 3, 5). Реже встречаются глаза с невыделенными веками, в виде круглых или овальных выпуклостей (рис. 3, 7, 9). Иногда глаза совсем не обозначены. В этих случаях на места глазных впадин ложится тень от высоких надбровий, чем и достигается полное впечатление темного зрачка (рис. 3, 2). Такое оформление требовало большого вкуса и мастерства, и не случайно этот прием использования светотени применен на лучших, наиболее реалистических изображениях.

Уши у львов двух форм: круглые стоячие (рис. 3, 11), встречавшиеся только в сочетании с гривой; разложенной прядями на две стороны, и удлинненные, прижатые к голове (рис. 3, 2, 5).

Усы чаще всего показаны продольными полосками, расходящимися к щекам, иногда под небольшим углом к линии носа. У двух львов усы сделаны горизонтальными черточками (рис. 3, 6, 9).

Нос обычно U-образный, иногда прямой, иногда с расширением внизу (рис. 3).

Морда от носа переходит в стенку горловины сосуда, отчего получается впечатление закусенного края.

Несмотря на различия в деталях налестов кувшины с львиноголовыми ручками вряд ли сильно отличаются один от другого по времени изготовления. Встречены они только при раскопках раннекангюйских комплексов (нижний слой Кой-Крылган-калы, Джанбас-калы, жилого здания на городище Калалы-гыр № 2 и других памятниках того же времени).

Однако может быть намечена некоторая эволюция образа льва, помещенного на налестках. По материалам раскопок на Кой-Крылган-кале уста-

К рис. 4. Изображения львиных голов на различных памятниках искусства древнего Востока II—I тысячелетий до н. э.

1-6 — налесты на ручках кувшинов из Хорезма (копирования Хорезмской энциклопедии); 7 — изображение ритона в виде головы льва на рельефе из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (G. Perrot et C. Chipiez. *Histoire de l'art dans l'antiquité*, т. II, Paris, 1882, стр. 100, рис. 23); 8 — золотой сосуд из Аму-Дарьинского клада (O. M. Dalton. *The treasure of the Oxus*, табл. 1); 9а — деталь ручки этого же сосуда; 9-11 — изображения львов на бронзовых предметах из Луристана (A. Pore. *A survey of Persian art*, т. IV, табл. 54, С, 56, А, 57, D); 12 — голова льва с фризой из цветных глазурованных плиток с изображениями идущих львов, Сузы (F. Saugre. *L'art de la Perse ancienne*, Paris, 1921, табл. 39); 13 — голова льва, терзающего коня; из Персеполь (F. Saugre. *Указ. соч.*, табл. 21); 14 — голова бронзового льва-гири из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (с копии, экспонированной в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина; подлинник в Лувре); 15 — голова льва с рельефа, изображающего царскую охоту; Ишневия (И. Л. Снегирев. *Древний Восток. «Атлас по древней истории Египта, Персидеи Азии, Индии и Китая»*, Л., 1937, табл. 153, 2); 16 — голова бронзовой статуи льва, Египет (G. Perrot et C. Chipiez. *Указ. соч.*, т. I, стр. 731, рис. 492); 17 — голова льва, изображенного на фиванском барельефе; Египет (G. Perrot et C. Chipiez. *Указ. соч.*, т. I, стр. 730, рис. 491); 18 — голова лежащего льва, служившего украшением мебели; Египет («Музей изобразительных искусств»); 19 — голова льва с резной костяной ложечкой, Египет (Музей изобразительных искусств); 20 — голова статуи богини Сехмет, Египет (G. Jéquier. *Histoire de la civilisation égyptienne*. Paris, 1925, стр. 38, рис. 8).

навливаются, что в нижних слоях, близких по времени к периоду строительства центрального здания, датирующегося IV в. до н. э.³, встречались изображения львов, отнесенные нами по форме гривы к первой группе, т. е. с прямыми прядями, идущими параллельно друг другу ото лба к спине (рис. 3, 1—8). Такие же изображения встречались и при раскопках раннекангуйского слоя на других памятниках, в частности Калалы-гыра № 1⁴.

Видимо, к более позднему времени следует отнести изображения львов, грива которых как бы расчесана на прямой пробор по обе стороны головы и дополнена прямыми прядками сзади (рис. 1, 1; 3, 11). Известны четыре ручки с такими налепами. Три из них обнаружены в подъемном материале, собранном на такырах в окрестностях Кой-Крылган-калы, одна — при раскопках внешнего кольца помещений Кой-Крылган-калы, в нижнем слое. Судя по сопровождающей их керамике, эти ручки относятся к раннекангуйскому времени, к поздней его поре.

Эта датировка косвенно подтверждается отсутствием налепов, относимых ко второй группе, в бесспорно ранних напластованиях, хотя оттуда известно около двух десятков львиноголовых ручек.

Наиболее поздними следует считать кувшины, ручки которых украшены сильно схематизированными изображениями: грива трактуется в виде елочки, детали — глаза, уши, нос — обозначены простыми бугорками, причем происхождение бугорка на лбу не совсем понятно. Возможно, что это остатки ограничивающего гриву валика (рис. 3, 13, 14).

Найдены два таких налепа: один был на ручке из помещения нижнего кольца Кой-Крылган-калы, в слое, содержащем смешанный ранне- и позднекангуйский материал (рис. 3, 13), второй фрагмент, обнаруженный в районе Джанбас-калы, принадлежал сероглиняному сосуду.

В общей схеме эволюции львиноголовых ручек особое место занимает налеп с головой льва, грива которого веером расходится от нависшего над глазами валика (рис. 3, 9). Стратиграфическое положение находки — в яме, заполненной тем же смешанным материалом и вырубленной в полу одного из участков внешнего обходного коридора у подножья центрального здания Кой-Крылган-калы, — не дает достаточных оснований для датировки. Однако, по данным типологического анализа, эту головку можно поместить после первой рассмотренной нами группы с изображениями которой у нее много общего. Сходны трактовка глаз, нависшего над ними валика и т. д. (рис. 3, 9; ср. 3, 7), но по манере лепки гривы уже чувствуется стремление положить пряди не параллельно, как ранее, а поперечно. Пока это только еще наклонные лучевидные полосы, перешедшие позже в поперечные, положенные по обе стороны головы пряди, а далее в пряди, расположенные елочкой.

В позднекангуйском слое на Кой-Крылган-кале кувшинов с львиноголовыми ручками не обнаружено. Следовательно, период их бытования ограничивается IV—III вв. до н. э.

Исключение составляет единственный сероглиняный налеп (рис. 3, 15), обнаруженный при снятии одного из полов помещений внешнего кольца. Изображение схематизировано и упрощено настолько, что, не имея предыдущей серии, узнать в нем льва было бы невозможно. Ориентировочно полы, относящиеся к этому уровню, датируются II в. до н. э., и находки львиноголовых ручек с ними не связаны. Обнаруженный «уродец», ве-

³ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган-кала.

⁴ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. ТХЭ, т. II. М., 1958, стр. 160.

роятно, свидетельствует о том, что отдельные сосуды попадали в Хорезм, в частности на Кой-Крылган-калу, с далекой периферии, где могли еще бытовать сравнительно долгое время после того, как их перестали выделять сами хорезмийцы. Фрагмент принадлежал не обычному красноглиняному кувшину, а сероглиняному, лощеному, по тесту и обработке наружной поверхности похожему на встречающиеся при раскопках на Кой-Крылган-кале сероглиняные лощенные сосуды с процарапанным орнаментом (или без него), не хорезмийского производства⁵.

О том, что кувшины с львиноголовыми ручками употреблялись вне Хорезма, на территории, занятой кочевыми или полукочевыми племенами, свидетельствует налеч на ручке сосуда, найденного в окрестностях Барак-тама (рис. 3, 12). Сосуд был изготовлен на месте. Глина при обжиге получила серо-песочный оттенок, не характерный для хорезмийской посуды. Изображение льва восходит, видимо, к хорошим образцам реалистически трактованных зверей, но на нем явно видны следы неумелости мастера: утрачены отдельные детали — например, нет ушей; грива на лбу не ограничена валиком, а надвигается почти на глаза, которые также искажены — высокие надбровия оригинала приняты за выпуклости глазного яблока. Треугольной выемки между надбровием и носом нет, и весь расчет на игру светотени пропадает. Глаза получились неестественно большими и выпуклыми (ср. рис. 3, 2 и 3, 12).

Вопрос о происхождении сероглиняных кувшинов с львиноголовыми ручками сам по себе очень интересен. За все время работы экспедиции в Хорезме встречено всего три фрагмента подобных сероглиняных сосудов. На двух из них, как мы видели, львы переданы очень схематизированно, на третьем изображен лев с гривой, разложенной прядями по обе стороны головы. Эти изображения мы отнесли к поздней поре раннекангуйского времени, т. е. к III в. до н. э.

Найденный на Барак-таме налеч, восходящий к ранним образцам, также сероглиняный. Как мы уже говорили, сероглиняные сосуды этого времени считаются привозными для Хорезма, но все они выполнены по хорезмским образцам с большим или меньшим мастерством. Часть из них (например налеч, помещенный на рис. 3, 11), возможно, выполнялась по заказу кочевников хорезмскими мастерами, так как они очень сходны с хорезмскими красноглиняными (рис. 3, 10), часть выделялась на периферии.

Все сероглиняные фрагменты найдены на территории Хорезма — Кой-Крылган-кала и в ее окрестности. В ходе многолетних раскопок все более и более четко выступает культовый характер этого памятника⁶. Это позволяет допустить присутствие здесь дарственных, посвященных или жертвенных сосудов, которые могли привозиться иногда из очень отдаленных районов.

Теперь мы подошли к вопросу о назначении кувшинов с изображениями львов, роли самих изображений и причине появления этого образа в Хорезме.

Происходящие из разных мест сосуды с львиноголовыми ручками поражают своим внешним сходством (рис. 2). Различия заметны только в деталях (размер сосуда, наличие или отсутствие площадочки по берегу венчика, расстояние между украшающими тулово валиками и т. д.). Вместе с тем от других сосудов, выделявавшихся в ту пору в Хо-

⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. — Кой-Крылган-кала, стр. 168—169, рис. 8, 4.

⁶ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 94.

резме, они отличаются рядом черт: резко выделенным венчиком, формой тулова, наличием не одного, а двух или трех валиков на плечиках и особенно формой ручки, украшенной изображением головы льва. Четкое выделение деталей, форма ручки с рельефным украшением в верхней части и с обрубленным нижним концом, даже вставленный между ручкой и горловиной комочек глины, напоминающий место приварки или приклепки на металлических сосудах, позволяют видеть в этих кувшинах подражание металлическим образцам.

На Востоке золотые, серебряные и медные сосуды употребляли при отправлении культовых обрядов и выполнении различных религиозных церемоний. В древнейших текстах Библии есть, например, упоминание о том, что Соломон во время своего царствования построил храм, для которого повелел сделать «и блюда, и чаши, и лотки, и кадиланицы из чистого золота»⁷.

Ритуал жертвенных возлияний из драгоценных сосудов, восходящий к глубокой древности, отмечен для Египта Геродотом, рассказывавшим, что из золотых чаш египтяне совершали возлияния богам⁸.

Металлические сосуды подавались и к царскому столу во время торжественных пиршеств. О том же царе Соломоне говорится, что все сосуды для питья у него были золотыми⁹ и что «все цари на земле искали видеть Соломона... и подносили ему, каждый от себя в дар: сосуды серебряные и сосуды золотые...»¹⁰

Изображения металлических сосудов известны и по памятникам искусства. Судя по рельефам из дворцов Саргона II в Дур-Шаррукине (Хорсабад) и Ассурбанипала в Ниневии, у ассирийских царей драгоценные сосуды также подавались во время пиршеств. Некоторые из них для нас особенно интересны.

На хорсабадских рельефах дворца Саргона II вырезаны изображения сосудов типа ритонов, оканчивающихся головой льва (рис. 4, 7)¹¹.

Изображения львов на различных бытовых предметах и в памятниках искусства Востока были чрезвычайно распространены. Наиболее древние из них происходят из Египта. Там, например, была обнаружена золотая пластинка — обкладка кремневого ножа, на которой помещена фигура льва, терзающего газель; находка датируется IV тысячелетием до н. э.¹²

В Египте много подобных памятников, относящихся к III тысячелетию до н. э. Уже в то время там почиталась воинственная богиня Сехмет с телом женщины и головой львицы. Образ ее впоследствии слился с образом Хатор-Тефнут, Мут и Бастед¹³. Кроме Египта, лев обожествлялся или почитался во всех странах Переднего Востока.

В Месопотамии традиция поклонения льву издавна была связана с культом орла¹⁴. Так, одним из почитаемых божеств древнего Ура и Лагаша был Имдугуд — львиноголовый орел. Изображение его, отлитое из меди,

⁷ Библия. Книга царств, III, гл. 7, 50.

⁸ Геродот, II, 151.

⁹ Библия. Книга царств, III, гл. 10, 21.

¹⁰ Там же, 24—25.

¹¹ A. H. Layard. Nineveh and its remains, v. II. London, 1854, стр. 303; Г. Масперо. Во времена Рамзеса и Ассурбанипала, ч. II, Ассирия. М., 1916, стр. 29, 274, 275 и рис. 78; G. Perrot et C. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, т. II, стр. 100, рис. 23.

¹² Д. Брестед. История Египта, т. I. М., 1915, стр. 29, рис. 9.

¹³ Там же, стр. 61; И. Гунгер и Г. Ламер. Культурная жизнь древнего Востока в картинах. М., 1913, стр. 11.

¹⁴ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 42.

висело над входными дверями храма в Эль-Убаид, датируемого временем около 3000 г. до н. э.¹⁵ Есть оно и в Лагаше на рельефе жреца Дуду (начало III тысячелетия до н. э.)¹⁶.

Почитание орла и льва известно и по более поздним источникам. В сирийской хронике г. Карки де бет Селох (ныне Керкук), составленной в VI в. н. э. по материалам древнего периода, рассказывается о том, что царь Асархадон, считающийся одним из строителей города, соорудил в нем «кумирню», где поклонялся льву и орлу¹⁷.

В Вавилоне и Ассирии лев почитался под именем Нергала¹⁸. Изображения львов встречались на печатях и цилиндрах Шумера, датированных XXIII в. до н. э.¹⁹, а позже на печатях и рельефах Ахеменидов.

Следовательно, обожествление и почитание льва, нашедшие отражение в искусстве древнего мира и в письменных источниках, были распространены с древнейшего периода (IV тысячелетия до н. э.) и оставались широко известными в Азии в середине I тысячелетия до н. э.

На Кавказе обычай помещать изображение льва на различных предметах также получил широкое распространение. Есть оно на ювелирных изделиях, на электроном сосуде из клада в сел. Носири в Мингрелии²⁰, на монетах VI в. до н. э., на керамике (известно изображение львиноподобного животного, пропрананное ножом или иглой), датирующей античным или предантичным временем²¹.

Анализируя ювелирные изделия с изображениями львов, найденные в погребении на Верецагинской горе, Б. А. Куфтин отмечает, что обычай украшать различные предметы изображениями львов имеет религиозно-символическое значение и, по всей вероятности, преследует антропоидические, профилактические цели. Родиной этого обычая Куфтин считает Передний Восток, «где лев являлся символом многих богов, знаком могущества и силы»²².

В древней Греции и греческих колониях изображения львов на монетах, архитектурных памятниках, сосудах, в скульптуре были широко распространены, начиная с архаики. Многие изображения, особенно классического времени, выполнены довольно реалистично. Однако, при естественных формах тела животного, его морда и грива сделаны в условной манере. Грива обычно изображалась в виде коротких треугольников, напоминающих языки пламени²³, или веером стоящих придей, похожих на змей. При моделировке морды зверя характерно подчеркивание мускулатуры и особенностей строения лба с выдающимися буграми и глубокой впадиной между ними, идущей от носа к гриве.

Эти детали делают изображения греческих львов столь отличными от

¹⁵ «Атлас по истории культуры и искусства Древнего Востока». Государственный Эрмитаж, Л., 1940, табл. 45 и комментарий, стр. 21.

¹⁶ Там же, табл. 51 и комментарий, стр. 22.

¹⁷ Н. Пигулевская. Указ. соч., стр. 37, 38, 42, 48, 49.

¹⁸ С. Рейнак. Орфей. «Всеобщая история религий», М., 1919, стр. 60; Г. Масперо. Указ. соч., стр. 44, 45, 86.

¹⁹ Собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина.

²⁰ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 170, 171.

²¹ Б. А. Куфтин. Указ. соч., т. II. Тбилиси, 1950, стр. 59, 60 (монеты); стр. 105, рис. 29 и табл. 37 — 2 (керамика).

²² Б. А. Куфтин. Указ. соч., т. I, стр. 46.

²³ A. D. Friendall. Archaeology in Sicily and Magna Graecia. Council. Archaeological reports, 1955. Supplement to the Journal of Hellenic Studies, v. 76, 1956; В. Д. Блаватский. Греческая скульптура. М.—Л., 1939, стр. 56—57, рис. 50, 51; Д. В. Шелов. Монетное дело Боспора (VI—II вв. до н. э.). М., 1956, стр. 17—19, табл. I; «Griechische Bildwerke», Berlin, 1909, табл. 2, 10, 14 (монеты).

хорезмских, что предположение о непосредственной связи между ними отпадает.

Львы на памятниках скифского искусства сделаны в обычной условной манере скифского звериного стиля и очень далеки от хорезмских²⁴. Более реалистичные изображения, например львы на серебряном сосуде из кургана Солоха, сделаны, видимо, по греческим образцам²⁵.

Для перечисленных стран (кроме Кавказа) лев был реально существующим, нередко встречающимся животным, могучим и опасным, и поклонение ему вполне объяснимо. Но о том, каким путем и откуда образ льва попал в Хорезм, с уверенностью говорить трудно.

С территории Средней Азии происходит только один сосуд из уже упоминавшегося нами Аму-дарьинского клада, довольно близкий хорезмским кувшинам с львиноголовыми ручками (рис. 4, 8)²⁶. Головы львов, держащих в зубах край сосуда, и на золотом кувшине из клада и на глиняных хорезмских сосудах достаточно сходны. Но ни форма сосуда, ни трактовка самого изображения не позволяют утверждать, что хорезмские кувшины непосредственно восходят к золотому аму-дарьинскому. Отсутствие нижней челюсти у хорезмских львов-налепов можно было бы объяснить разницей материала и связанными с этим иными техническими возможностями, но сама форма сосуда и манера изображения головы зверя свидетельствуют о том, что для кувшинов, сделанных гончарами-хорезмийцами, был использован другой прототип, причем единственный, так как все хорезмские сосуды примерно одной формы.

Изменение же в передаче самого изображения льва, как мы видели, шло по линии естественной эволюции образа, утрачивающего со временем первоначальные более реалистические черты, огрублявшегося и постепенно схематизировавшегося.

Головы львов-ритонов, помещенных на рельефах дворца Саргона II, более ранние, а частично и одновременные сосуды из Гисара, Суз и Луристана могут быть привлечены лишь для понимания смыслового значения, символики, связанной с хорезмскими львиноголовыми налепами, но типологически они совершенно иные.

Луристанские львы II—I тысячелетий до н. э. очень определенны и по своему каноничны. Образ зверя достаточно условен, причем условность эта четко выработалась и отлилась в более или менее застывшие формы²⁷, имеющие мало общего с хорезмскими (рис. 4, 9—11).

Трактовка морды, глаз, ушей совершенно иная; грива животного едва намечалась короткими насечками, расположенными поперечными поясками, а иногда и совсем отсутствовала. Различия в изображении львов в Хорезме и Луристане столь велики, что вряд ли обычай украшения кувшинов львиноголовыми налепами заимствован хорезмийцами из Луристана. Кроме того, образ льва в Луристане связывается современными исследователями с культом Митры, чем и объясняется его устойчивость²⁸.

²⁴ Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, стр. 17; А. П. Иванова. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 48, рис. 6.

²⁵ М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 55, табл. VII, 2, 3; Д. П. Каллистов. Указ. соч., стр. 53, 98, 100.

²⁶ O. M. Dalton. The treasure of the Oxus... London, 1905, табл. 1—117 (см. также изображения львов на других предметах на табл. XI, 28, 32, 40; XVII, 118; XVIII, 120; XIX, 142).

²⁷ A. P. P. A survey of Persian art, v. IV. London and New York, 1938, табл. 17-C, G, 22, 37-B, 50, 51, 52, 54-C, 56-A, 60.

²⁸ А. А. Ромаскевич. Изваяния и изображения львов в Иране. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Ленинград, сентябрь 1935 г., М.—Л., 1939, стр. 209 и сл.

Действительно, митраизм широко распространяется на Востоке, начиная с IV в. до н. э., и еще более усиливается в первых веках нашей эры, когда он перешел на запад, в Рим. Однако пока нет оснований считать, что в Хорезме он играл сколько-нибудь заметную роль, так как следов этого культа там до сих пор не обнаружено. Кроме того, как мы видели, изображения львов исчезают в Хорезме как раз в то время, когда митраизм получает наиболее широкое распространение.

По трактовке ряда черт далеки от хорезмских и львы на цветном фризе из поливных плиток в Сузах и высеченные на рельефах Персеполя²⁹. Они изображены с широко разинутой пастью или грызущими коня. Грива обозначена короткими треугольниками или параллельно идущими поперечными поясками и короткими штрихами; глаза с сильно изогнутым веком и приподнятым внешним краем; уши похожи на острый, чуть скрученный листок (рис. 4, 12, 13).

Многочисленные ассирийские и вавилонские изображения львов также значительно отличаются от хорезмских (рис. 4, 14, 15). Обычно — это звери с оскаленной пастью, сморщенным носом, гривой, обозначенной короткими ромбами и треугольниками; вокруг морды делался широкий массивный валик, заменявший передние пушистые пряди, обрамляющие морду животного³⁰.

Гораздо более сходны хорезмские изображения с египетскими из памятников II—I тысячелетий до н. э. Идентичен прием моделировки гривы продольными параллельными частями или редкими прорезями (рис. 4, 16, 17), сходны форма ушей (стоящих круглых или прижатых удлинённых), нарезки усов, в ряде случаев — глубоко запавшие глаза, рассчитанные на выявление их рельефа светотенью.

Очень много изображений львов помещалось на бытовых предметах — памятниках прикладного искусства (мебель, гребни и т. д.) и на бесчисленных амулетах с фигурой богини Хатор-Тэфнут в виде львицы или львиноголовой Сехмет. На этих вещах изображения наиболее близки хорезмийским (рис. 4, 18, 19)³¹.

Среди скульптур и рельефов, на которых представлена богиня Сехмет, или Хатор-Тэфнут, выполненных в совершенно иной технике и из другого материала, чем львиноголовые палепы, много изображений, поражающих своей близостью хорезмийским (рис. 4, 20). Примером этого могут служить статуи Сехмет-Мут из храма в Карнаке, выстроенного Аменхотепом III³². Трактовка ушей, глаз, носа, усов совершенно та же. Интересно, что вместо гривы у богини надета повязка, спадающая на плечи и спину складками, которые чрезвычайно похожи на широкие продольные идущие назад пряди гривы львов в налечах наиболее раннего типа на ручках хорезмских кувшинов (рис. 4, 2). Очень интересно в собрании ГМИИ изображение Сехмет в высокой короне с уреем спереди, напоминающей верхнюю часть одного из львиноголовых налечей, отнесенного нами к индивидуальным формам (ср. рис. 3, 16 и 4, 20).

²⁹ А. Роре. Указ. соч., т. IV, табл. 92-B.

³⁰ A. H. Layard. Nineveh and its remains. V. II. London, 1854; его же. The monument of Nineveh from drawings made on the spot illustrated in one hundred plates. London, 1849; «Древний Восток. Атлас по Древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая». Составил Снегирев, Л., 1937, табл. 144, 153, 154, 155, 162, 1; «Атлас по истории культуры...», раздел «Ассирия», заглавный лист и табл. 80.

³¹ Собрание ГМИИ им. А. С. Пушкина.

³² И. Гунгер и Г. Ламер. Указ. соч., рис. 11; «История искусства Древнего Востока. Искусство Древнего Египта. Новое царство XVI—XV вв. до н. э.», т. I. вып. III. Л., 1947, табл. VII, 1, 2.

На территории Советского Союза зарегистрировано довольно много находок египетских предметов. Распространены они, главным образом, в Северном Причерноморье, на Кавказе и в Средней Азии³³.

Связи древнего Хорезма с Египтом засвидетельствованы и археологически (находки скарабея и фаллических амулетов из голубой египетской пасты в районе Ангка-калы и на Кой-Крылган-кале) и письменными источниками. Так, среди судебных архивных документов, обнаруженных в Элефантине, есть переписка по делу хорезмийца Драгомана, сына Харшина, получившего место своего назначения в крепости Элефантине. Документы датированы 464 и 461 гг. до н. э. и касаются тяжбы с другим солдатом из-за земельного участка³⁴.

Из текста переписки видно, что служба в Элефантине была свободной и не очень обременительной. Солдаты имели свои земельные участки и принимали участие, очевидно, во всей хозяйственной жизни местного населения. Не удивительно, что там они знакомились с местными обычаями и верованиями.

Может быть, в сюжете налепов на хорезмских кувшинах нашел отражение связанный с именем Элефантины миф о дочери солнца (Ра) — Хатор, Тефнут, Сехмет. Любимое солнечное око — Хатор-Сехмет послана богом Ра против непокорных ему людей. Грозной львицей бродит она по земле и истребляет людей своим пламенным дыханием. Истребление приняло такие размеры, что Ра хочет прекратить его, но богиня не подчиняется отцу. Возбужденная кровью, она продолжает свирепствовать. Чтобы спасти оставшихся в живых, посылают гонцов в далекую Элефантину, откуда они приносят красный минерал — диди, растирают его в порошок и смешивают с ячменным пивом. Красной жидкостью, похожей на кровь, заливают путь, по которому должна промчаться утроем богиня. Сехмет принимает жидкость за кровь, пьет ее, пьянеет и забывает о своем решении уничтожить оставшихся людей. В память этого Ра повелел ежегодно справлять праздник в честь своей дочери и приносить ей в жертву сосуды с пивом по числу служанок бога Ра.

По второму мифу, связанному с львиноподобной Хатор-Тефнут, богиня удаляется после ссоры с Ра в пустыню Верхней Нубии и не хочет возвращаться по зову отца. Ее долго уговаривают, пускают в ход магию. Наконец, гнев богини укрощен и она торжественно движется обратно, встречаемая бурными приветствиями, плясками, музыкой и преподношениями вина и пива.

Анализируя миф, М. Э. Матье отмечает, что в нем отразились древнейшие представления, связанные со сменой времен года. Праздник Тефнут был праздником возрождения природы, будущего изобилия и урожая³⁵.

Оба мифа, восходящие к очень древнему времени, существовали в Египте в течение нескольких тысячелетий. Почитание богини Хатор-Тефнут-Сехмет отражено в рельефах I тысячелетия до н. э.³⁶ и в более поздних.

С. Рейнак приводит данные о том, что в Саисскую эпоху (VII—VI вв.

³³ Б. Б. Piotrovskiy. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр. 20—27.

³⁴ И. М. Волков. Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до р. х. М., 1915, стр. 20 и др.

³⁵ М. Э. Матье. Мифы древнего Египта. Л., 1940, стр. 42—49, 74—76.

³⁶ Неоконченный рельеф с изображением Сехмет экспонирован в Отделе древнего Египта ГМИИ им. А. С. Пушкина.

до н. э.) в Египте вновь возродились самые древние религиозные представления³⁷.

В среде находящихся в начале V в. до н. э. в Элефантине хорезмийцев культ Сехмет — богини возрождения природы — мог найти живой отклик. На иноземные обряды и культовые празднества не могли не обратить внимания и другие хорезмийцы, побывавшие в различных странах Передней Азии во время походов Ахеменидов.

Связь Тефнут с культом изобилия и плодородия и большая роль женщин в празднествах, устраиваемых в ее честь³⁸, вполне увязывается с почитанием в Хорезме Великой богини плодородия — культом, известным еще с эпохи бронзы³⁹.

И вполне вероятно, что образ египетской львиноголовой богини мог найти известный отклик в среде хорезмийцев если не в прямом его значении, то в каких-то повериях, представлениях о магической силе ее изображений, способных отгонять злых духов от содержимого ритуальных сосудов.

Учитывая обычную консервативность культовых представлений, следует признать, что бытование в Хорезме кувшинов с львиноголовыми ручками было кратковременным. Видимо, слишком чужд был образ льва хорезмийцам, и привнесенный культ постепенно сошел на нет, а сами изображения потеряли прежнюю реалистичность.

Утвердившиеся примерно в то же время более близкие и понятные хорезмийцам культы местного и некоторые культы греческого пантеона получили несравнимо более широкое распространение. В частности, развился дионисийский культ, существование которого в Хорезме уже отмечалось С. П. Толстовым⁴⁰. В образе Анахиты сосредоточились представления о богине плодородия. Так постепенно вытеснилось всякое воспоминание о египетской богине-львице. Даже роль оберега перешла к близким и хорошо известным хорезмийцам животным, с которыми они связывали свое благополучие, — быку и барану⁴¹; изображения их на сосудах сменили изображения львов.

³⁷ С. Рейнак. Указ. соч., стр. 51.

³⁸ М. Э. Матъе. Указ. соч., стр. 43, 45, 50.

³⁹ См. статью М. А. Итиной в настоящем сборнике.

⁴⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., стр. 93.

⁴¹ См. например С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции... ВДИ, 1953, № 1, стр. 171, рис. 13, 1, 2.